

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XXIII ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1988

Часть I

Москва
"НАУКА"
Главная редакция восточной литературы
1990

24. Там же, л. I4-I5.
25. Там же, л. 2I.
26. Там же, л. 2I.
27. Там же, л. 24.
28. Там же, л. 25.
29. Там же, л. 24.
30. Там же, л. 26.
31. Там же, л. 27.
32. Там же, л. 29.
33. Там же, л. 33.
34. М.Б.Руденко. Описание курдских рукописей ленинградских собраний. М., 1961, 124 с.

Е.В.Нестерова

К ВОПРОСУ ОБ АВТОРСТВЕ ПОРТРЕТА Н.Я.БИЧУРИНА

Портрет Н.Я.Бичурина в китайском костюме, украшающий один из кабинетов Ленинградского отделения Института востоковедения, достаточно хорошо известен. Однако до сих пор не установлен автор этого произведения. Лишь Л.И.Чугуевский, описывая рукописный фонд Бичурина в архиве ЛО ИВ АН, упоминая о портрете, высказывает ряд предположений по поводу его возможного авторства. И все же по-прежнему открытым остается даже вопрос о том, китайцу или европейцу принадлежит эта работа.

Еще в 1857 году, спустя четыре года после смерти Бичурина, литератор Н.Щукин, лично знавший знаменитого ученого, поместил статью о нем в "Журнале министерства народного просвещения", где писал: "С отца Иакинфа снято четыре портрета в разные времена его жизни. Первый писан в Иркутске масляными красками живописцем Васильевым. Похож мало. Второй, литографированный, приложен к запискам о Монголии. Автор изображен в китайском одеянии. Этот портрет имеет большое сходство. Третий литографирован Тербеневым неудачно. Четвертый писан масляными красками. Он имеет много сходства, да много и несходства".¹

Таким образом портрет, хранящийся в Институте востоковедения, исполненный на бумаге в смешанной технике, не упоминается вовсе. Свообразный по своему замыслу и исполнению, более двух метров в высоту, он по какой-то причине выпал из поля зрения автора очерка. Но, может быть, Щукин, не будучи специалистом, просто перепутал

технику исполнения и посчитал, что портрет написан масляными красками? Пытаемся в этом разобраться. Для этого обратимся к воспоминаниям Н.С.Моллер, внучки Бичурина: "Келья, где жил дедушка, была сейчас около собора /Александро-Невской лавры - Е.Н./ и состояла из двух больших комнат с окнами в сад. В приемной по стене стоял большой диван красного дерева <..> Перед диваном висел большой портрет рисованный масляными красками. На нем изображен был отец Иакинф совершенно брэнетом, красивым и в архимандритском одеянии".² Судя по всему, именно этот портрет упоминается первым в списке Щукина.

О живописце М.Васильеве, авторе портрета, известно немного. Он родился в 1784 году, умер после 1823. Получил образование в Иркутском главном Народном училище, работал как портретист. С 1805 года преподавал рисование в иркутской гимназии. В настоящее время в Иркутском областном художественном музее имеются три портрета, принадлежащие его кисти.

В сан архимандрита Бичурин был посвящен в 1802 году и пребывал в нем до своего возвращения в Петербург из Китая в 1822 году, когда судом духовной консистории он был лишен всех привилегий и приговорен к ссылке в Валаамский монастырь. Таким образом, в одеянии архимандрита Бичурин мог быть изображен либо до отъезда в Китай, либо сразу после возвращения оттуда.

Васильев мог встретиться с Бичуриным в июне 1807 года, когда последний приезжает из Тобольска в Иркутск, чтобы принять имущество, наличные суммы и дела миссии. В сентябре 1807 года миссия покинет Иркутск. Естественно предположить, что молодой архимандрит, получивший ответственное назначение, перед отъездом в далекое и долгое путешествие захотел оставить память о себе и позировал художнику. Интересно отметить, что именно 1807 годом датирован портрет еще одного духовного лица, иркутского архиепископа Вениамина, также написанный Васильевым.

Значительно менее вероятно, что портрет был исполнен после возвращения миссии из Китая. Обрато в Иркутск миссионеры прибыли в сентябре 1821 года и находились там до 11 ноября. Следует принять во внимание письмо монаха Серафима: "Теперь мы в Иркутске на квартире вместе с о.Архимандритом живем совершенно в уединении и стараемся только как скорее уехать отсюда, ибо прежние знакомые наши кажется не желают с нами поддерживать связей, новых же приятелей не успели еще снискать, и может быть, всему тому краткость пребывания нашего здесь и скорый отъезд отсюда делают <..> препону".³

Где же сейчас находится портрет Бичурина в архимандритском

одеянии? Моллер вспоминает: "Впоследствии этот портрет еще при жизни дедушки исчез. Говорили, что он послал его в Казанскую Духовную Академию".⁴ Действительно в 1849 году Бичурин пожертвовал библиотеке Казанской Духовной Академии собрание книг, рукописей, а также два портрета, один из которых, как известно, изображал самого жертвователя. Таким образом портрет Бичурина, написанный в Иркутске Васильевым в технике масляной живописи, действительно существовал. Одновременно мы можем дать ответ на вопрос, поставленный в статье Л.И.Чугуевского: "Остается неясным, какой портрет был прислан Бичуриным в дар Казанской Духовной Академии".⁵

Опустим пока разговор о литографиях, упоминаемых Щукиным. Среди востоковедов они достаточно хорошо известны, так как первая украшает книги Бичурина, изданные как при его жизни, так и в советское время, а отпечаток второй хранится в архиве ЛО ИВ АН. Обратимся к четвертому портрету, который писан масляными красками. Как пишет Щукин: "Он имеет много сходства, да много и несходства". Этот портрет также упоминается Моллер: "<...> Столик с редкостями стоял ... между окном и дверью, ведущей в следующую комнату. Над ним висел другой портрет его, но в монашеском уже одеянии.<...> Он также был большой и рисован масляными красками. Впоследствии он был повешен над диваном и висел там до самой кончины о.Иакинфа".⁶ Таким образом, не может быть сомнения в том, что Щукин был точен в характеристике названных им портретов. К сожалению, местонахождение второго из упомянутых портретов маслом в настоящее время также неизвестно. Поиски, предпринятые в Ленинградской Духовной академии, в музее Истории религии и атеизма и Государственном Русском музее, не дали желаемых результатов.

Однако вернемся к портрету Бичурина, принадлежащему Институту востоковедения. Почему же он все-таки не упомянут Щукиным? Видимо, это объясняется тем, что портрет не был широко известен, находясь в частных руках. Все у той же Моллер мы можем прочитать: "Невдалеке от нашей дачи, в местности, называемой Безбородко, жил также на собственной даче большой приятель о.Иакинфа - о.Иоанн Михайлович Наумов, который впоследствии кажется был придворным протоиереем. Не раз ходила я с дедушкой к нему в гости <...> Я видела тогда у него висевший на стене портрет дедушки, снятый в китайском платье".⁷

Бичурин изображен в летнем костюме китайского чиновника. На нем конусообразная бамбуковая шляпа, длинный темно-синий кафтан, туфли на толстой войлочной подошве. Его голова обрита, глаза по-восточному раскосы. Портрет вполне соответствует описанию внешнос-

ти Бичурина, оставленному Щукиным: "Отец Иакинф был роста выше среднего, сухощав, в лице у него было что-то азиатское, борода редкая клином, волосы темно-русые, глаза карие, щеки впалые и скулы немного выдававшиеся. Характер имел (<..> вспыльчивый и скрытный".⁸

Судя по всему портрет был написан во время пребывания Бичурина в Китае, что косвенно подтверждает и возраст изображенного: ему где-то за тридцать. Манера исполнения говорит об использовании приемов китайской и европейской живописи.

В составе миссии, возглавляемой Бичуриным, не было профессионального художника. Правда, в числе прочих инструкций, составленных для членов миссии, известна одна, в которой говорится о необходимости "все замечать, что до живописи касается".⁹ Адресована она казацкому сотнику Щукину, который имел "искусство, хотя и невеликое в живописи".¹⁰ Л.И.Чугуевский высказывает предположение, что интересующий нас портрет мог быть выполнен Щукиным. На наш взгляд, авторство Щукина сомнительно. Хотя пристав и его подчиненные оставались в Китае сравнительно долго, почти год, но казацкий сотник, по должности своей, большую часть срока проводил при лошадях, на специально отведенных пастбищах за пределами Пекина. Работа над портретом требовала не только время на его исполнение, но и основательного знакомства с работами китайских художников, определенной художественной культуры.

Кому же позировал Бичурин, китайцу или европейцу? Стремление передать портретное сходство (и, судя по всему оно соблюдено), следы карандаша в рисунке, попытка моделировать объем противоречат представлению о традиционной китайской живописи. Хотя сам характер такого "костюмного" портрета, его композиция, подсказаны работой китайского художника.

Можно вспомнить хранящийся в Государственной Публичной библиотеке портрет министра Си-Эня. Особый интерес представляет то, что он происходит из коллекции З.Ф.Леонтьевского, бывшего в составе X Духовной миссии, сменившей миссию Бичурина. Известно, что портрет этот писан "кистью единственного во всем Китае живописца, соединяющего правила и вкус туземный с правилом и вкусом европейцев".¹¹ Навыки европейского письма китайский художник получил у иезуитов. Си-Энь изображен им в рост, облаченный в национальный костюм. Но этим чисто внешним сходством портреты и ограничиваются. Попытка передать объем в работе китайского художника выглядит значительно более наивной, чем в портрете Бичурина,

Среди прочих сокровищ, привезенных о.Иакинфом из Китая, находился альбом этнографических зарисовок китайских типов. Подписи

под изображениями сделаны рукой Бичурина. Среди листов, выполненных китайцем, есть один, скопированный рукой европейца. Он резко отличается попыткой моделировать объем от того листа, копией которого является. Подпись под ним также принадлежит руке Бичурина. Если все работы имеют фоном белый нейтральный цвет бумаги, то в интересующем нас листе фон трактован аналогично тому, что и на портрете из ЛО ИВ АН, это разбеленный охристый низ и голубоватый верх - намек на пространство, окружающее фигуру. Этот лист натолкнул нас на мысль, а не является ли портрет Бичурина автопортретом?

Есть свидетельства, что о.Иакинф обучался рисованию в Казанской Духовной академии и выказывал при этом успехи. Уже упоминавшаяся Моллер пишет: "Способность к рисованию много помогла ему в ученых его трудах, где все почти планы, карты и рисунки были начертаны им самим, почему и отличались такой жизненной правдой".¹² Уже по возвращении в Петербург Бичурин опубликовал статью "О происхождении красок в Китае",¹³ которая свидетельствует о его знакомстве с профессиональными приемами китайских ремесленников.

Попытаемся психологически обосновать возможность появления автопортрета Бичурина. Для этого необходимо представить, как протекала жизнь миссионеров в далеком Китае. Она не отличалась спокойствием и гармонией. Многие из тех, кто отправился в Пекин вместе с Бичуриным, не выдержали испытания. В одном из своих отчетов в Синод Бичурин сообщает: "Что касается до Евграфа Громова и Маркела Лавровского, они в минувшем еще году соскучили упражняться в здешних языках, а потом мало по малу как в лености, так и в пьянстве вышли из границ и я не нахожу здесь других средств к их исправлению как выдать их в Россию".¹⁴ В 1814 году по причине сумасшествия "от запоя происходившего" возвращен в Россию иеродиакон Нектарий, умер скоростипжно М.Лавровский, Е.Громов отравил себя ядом.¹⁵ Причина тому "происходит от скуки и задумчивости, которым неизбежно подвержен всякий, кто не просвещен науками, а посему и не может найти себе здесь занятий в упражнениях умозрительных, которые могли бы наполнить пустоту уединенной здешней жизни <...> Неученый иностранец здесь не находя себе занятий дома и вне, обращен по необходимости предаваться руководству праздности, ведущей его или к распутству, или к скуке, задумчивости и пьянству".¹⁶ Сам Бичурин не был строгим аскетом, но он умел использовать время для серьезных ежедневных занятий. Двенадцать ящиков книг, ящик собственных рукописей, вывезенных им из Китая, тому порукой. Кроме того, Бичурину принадлежал еще ящик с красками и шесть трубок с картами и планами. Не свидетельствует ли это об его особом интересе к живописи? И почему не

допустить мысль о том, что своего рода отдыхом после научных занятий могла служить его работа над автопортретом?

Необходимо было снять портрет со стены, чтобы попытаться найти какую-либо надпись или знак, на основании чего можно было бы судить об его авторстве. Действительно, на обороте, по верхней кромке, рукой Бичурина написано: "Портрет собств.", именно этим термином пользовались в начале XIX века, когда речь шла об автопортрете.¹⁷

Уже в советское время в 1938 году к 250-летию юбилею со дня основания миссии был написан еще один живописный портрет Бичурина в китайском одеянии. Автор А.Лихонос опирался при его создании на уже упоминавшуюся литографию "Благородный китаец в летнем одеянии". Но ведь и сама литография, для изготовления которой рисунок наносился на специальный литографский камень, тоже должна была иметь предварительный эскиз. Можно предположить, что первоисточником для литографии и позднего портрета маслом служил портрет, находящийся в Институте востоковедения. Была скопирована его верхняя часть: мы узнаем тип лица, одежду модели. При печати оттиск передал зеркальное изображение, и фигура оказалась развернута в другую сторону.

Интересно, что в "Китайском благовестнике" № 10-11 за 1938 год воспроизведена упомянутая литография с надписью "Архимандрит о.Иакинф (Бичурин) в летнем одеянии благородного китаец - в бытность начальником IX Духовной миссии в Пекине. (Автопортрет)". Это еще одно свидетельство, работающее в пользу идеи об автопортрете.

Кроме изучения архивных материалов и эпистолярного наследия, сличений и сопоставлений с работами китайских художников, наличия надписи на обороте, имеется важное доказательство другого рода. Это напряженный, слегка косящий взгляд модели, который обычно бывает когда рисуют, смотря на себя в зеркало. Конечно, если бы были найдены дневники Бичурина, где бы говорилось о его работе над автопортретом, или другие живописные работы Бичурина, вопрос мог бы быть решен окончательно. Но и сейчас, на наш взгляд, имеется достаточно оснований утверждать, что портрет о.Иакинфа в китайском одеянии, принадлежащий ЛО ИВ АН, - автопортрет Н.Я.Бичурина.

-
1. Н.Щукин. Отец Иакинф Бичурин. - ЖМНЛ, 1857, № 95, с. 126.
 2. Н.С.Моллер. Иакинф Бичурин в далеких воспоминаниях его внучки. - Русская старина, 1888, т. 59, с. 290.
 3. ЛГИА, ф. 19, оп. 120, ед.хр. 413, л. 243.
 4. Н.С.Моллер, ук.соч., с. 290.

5. Л.И.Чугуевский. Бичуринский фонд в архиве Института востоковедения. - ПВ, 1959, № 5.
6. Н.С.Моллер, ук.соч., с. 291.
7. Там же, с. 282.
8. Н.Шукин. Отец Иакинф Бичурин, с. 125.
9. Архив ЛО ИВ АН, ф. 7, оп. I, № 38/II27, л. 37.
10. Там же.
11. Вл-рь Б-щевъ. Кабинет китайских редкостей, принадлежащий З.Ф. Леонтьевскому. - Северная пчела 1932, № 191.
12. Н.С.Моллер, ук.соч., с. 271.
13. ЖМВД, 1834, октябрь.
14. ЦГИА, ф. 796 1805 г., ед.хр. 167, л. 275.
15. ЦГИА, ф. 797, оп. 2, ед.хр. 7012, л. 59.
16. ЦГИА, ф. 796 1805 г., ед.хр. 167, л. 277-278.
17. В подтверждение можно привести в пример из определения Совета Академии художеств от 25 апреля 1811 года: "А.Г.Венецианов, по представленному им живописному собственному портрету, определяется в назначенные..." (А.Г.Венецианов. Статьи, письма, современники о художнике. Л., 1980, с. 151).

Н.Г.Сафонова

СОБРАНИЕ КУРДСКИХ РУКОПИСЕЙ НА ДИАЛЕКТЕ ГОРАНИ, ХРАНЯЩИХСЯ В ФРГ

В 1970 г. в Висбадене в серии "Указатель восточных рукописей в ФРГ" известным курдским литературоведом Камалом Фуадом была издана книга "Курдские рукописи".¹ Публикация дает представление о большой коллекции курдских рукописей, которые находятся в Берлине.²

Указанное собрание курдских рукописей насчитывает 92 списка, из них 51 на диалекте горани.

Интересующая нас коллекция рукописей на горани представлена сравнительно поздними списками. Две старейшие рукописи датируются 1241/1825-1826 г. Одна из них - сборник поэтических произведений пяти авторов, вторая - горанская версия эпоса "Husraw u Şirin".³

По содержанию рукописи на горани можно условно разделить на три группы: литературные, религиозно-философские и исторические сочинения.

Первая, наиболее многочисленная группа, включает различные по жанру поэтические произведения.

Лишь один список, без сомнения, можно отнести к фольклору.